

«ДЕЛО» по обвинению Клюева является частью крупной операции, осуществленной в 1937 году сибирскими чекистами. Ее размах, ее результаты и значение по-настоящему еще не раскрыты, суть же в следующем.

По заданию Российского общесоюзного союза, центр которого, как известно, находился в Париже, а филиалы во многих городах зарубежья, в частности в Харбине, в тридцатые годы в Сибири был создан Союз спасения России — кадетско-монархическая офицерская повстанческая организация. Основные цели ССР — подготовка восстания против советской власти на территории Сибири и реставрация монархии, правда, по-видимому, конституционной. Начало восстания планировалось на вторую половину 1937 года, когда, по предположению РОВС и ССР, Германия и Япония нападут на Советский Союз. Пока же были образованы четыре повстанческих округа — на Алтае, в Кузбассе, Нарыме и Новосибирске. В округах формировались корпуса, дивизии и полки повстанческой армии: комсостав — царские и колчаковские офицеры и генералы, рядовые — раскулаченные и сосланные в Сибирь крестьяне, спецпереселенцы, местные колхозники, рабочие, служащие. В организацию входили также священники, студенты, ученые. ССР был связан с военно-фашистской организацией, охватывавшей едва ли не все части РККА, дислоцированные в Сибири, в частности 78-ю стрелковую дивизию, расквартированную в Томске, и Томское артиллерийское училище.

Томским филиалом ССР (а быть может и всем союзом) руководил князь А. В. Волконский.

Андрей Владимирович был сослан в Томск из Ленинграда еще в 1930 году. Вскоре к нему приехала Елизавета Александровна — Волконским не призывали ездить в Сибирь к мужьям. Жила княжеская чета в маленьком домике по пер. Лесному, 4, сохранившемся до наших дней. В доме этом бывало немало «бывших», бывал там и Николай Алексеевич Клюев, переведенный в октябре 1934 года из Колпашева в Томск: 5 марта 1934 года он был осужден на 5 лет ссылки.

Восстание, как известно, не состоялось. Но вовсе не потому, что НКВД сумел вовремя арестовать и уничтожить несколько десятков тысяч контрреволюционеров. И не потому, что А. В. Волконский скончался еще 7 февраля 1935 года, задолго до начала массовых арестов заговорщиков и, как сказано в прокурорском протоколе по делу Н. А. Клюева, «к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления не привлекался». Восстание не состоялось потому, что восстание было некому — никакого Союза спасения России не существовало, не было ни округов, ни дивизий, ни исполнителей, ни руководителей. Все это, включая, конечно, и операцию по разгрому ССР, — фальсификация от начала до конца. Все ложь, кроме жертв, массового повышения по службе отличившихся сотрудников НКВД и правительственных наград контрразведчикам, оперативным работникам и следователям.

Клюева «привязали» к ССР по рекомендации начальника Управления НКВД С. Н. Миронова: «Клюева надо тащить именно по линии монархическо-фашистского типа, а не на правах троцкиста». Это было сказано 25 марта 1937 года, ровно через год после ареста Н. А. Клюева в Томске и привлечения его по делу контрреволюционной церковной группировки. Николай Алексеевич пробыл тогда в тюрьме с 23 марта по 4 июля 1936 года. Мне пока не удалось выяснить, что именно «не сошлось» у начальника Томского ГО НКВД капитана Подольского, но он почему-то освободил поэта из-под стражи. Последний акт трагедии был перенесен на 1937 год.

В НОЧЬ на 9 апреля в Томске были произведены первые аресты, непосредственно повлекшие на судьбу поэта. В списке арестованных — аспирант медицинского института А. Ф. Голова, преподаватель университета П. А. Ивановский, его квартирохозяин Г. М. Диков и преподаватель медицинского института А. П. Успенский. Самый перспективный следствием представлялся Голова — 26 лет от роду, слабое здоровье, отсутствие какого-либо опыта общественно-политической деятельности. Сразу же после ареста его допросил младший лейтенант госбезопасности Г. И. Горбенко.

В 60-е годы мне довелось видеть Георгия Ивановича, директора одного из техникумов, известного в Томске воспитателя молодежи. Разумеется, мы не знали о его прошлом, не знали, что на его совести не менее двухсот невинных жертв. Мы даже не знали, что он был исключен из КПСС, но вско-

ре восстановлен за давностью содеянного. Тем более мы не знали, что когда Горбенко допрашивали о событиях 1937 года, он заявил, что участвовал лишь в оперативной работе, а не в допросах, беззакониях и фальсификациях, о ССР же он вообще никогда ничего не слышал. Видимо, ему тогда поверили...

Назовите фамилии всех ваших знакомых, проживающих в Томске. Попробуйте ответить на подобный вопрос! Александр Федорович Голова назвал несколько врачей, аспирантов, соседей... 10 апреля Горбенко так записал свой вопрос:

«В показанных вы назвали не всех своих знакомых. Укажите дополнительно фамилии и обстоятельства вашего знакомства с ними.

Голова назвал еще несколько фамилий.

Большее показаний

Николай Алексеевич КЛЮЕВ
Художник Константин ЗАЛОЗНЫЙ. Томск, 1991 г.

— Кто вам известен из круга знакомых Ивановского? — В разговорах со мной Ивановский неоднократно мне рассказывал о писателе Клюеве, который выслан в Томск за какие-то контрреволюционные преступления, в частности, он якобы писал и пишет стихи антисоветского направления. Я лично Клюева не знаю, Ивановский неоднократно собирался меня познакомить с ним.

Как видите, пока ни о каком заговоре речи нет. Но через десять дней следователь меняет характер допроса.

— Вы арестованы и обвиняетесь в том, что до момента ареста являлись участником кадетско-монархического «Союза спасения России», вели в нем активную контрреволюционную деятельность. Дайте по этому поводу самые подробные показания.

— Я не знаю, о какой такой организации вы меня спрашиваете. Уверю, что о существовании подобной организации мне ничего не известно, участником такой я не являлся и не являюсь.

— Следствием точно известно, что в контрреволюционную организацию «Союз спасения России» вы были завербованы Ивановским. Признавайтесь и давайте показания.

— Ни в деле Голова, ни в делах других последственных в этом времени еще нет ни строчки, подтверждающей, что «следствием точно известно», — еще никого и не допрашивали. Можно лишь догадываться, что именно произошло в этот момент, но в протоколе записано: — Признаю, что до сих пор я пытался скрывать от следствия свою принадлежность к контрреволюционной организации. Сейчас я понял, что в руках следствия имеются все нити к раскрытию этой организации, и свое сопротивление считаю бесполезным.

Успешная работа молодого следователя подтверждается такой записью показаний Голова:

— Со слов Ивановского мне известно, что идейным вдохновителем и руководителем организации являются поэт Клюев и бывшая нягиня Волконская. Оба они проживают в г. Томске на положении ссыльных. Ивановский очень часто говорил мне, что Клюев — человек набойный, за царя, он как поэт известен в России и за границей. <...> пишет стихи и большую поэму о зверствах и тираннии большевиков <...> имеет обширнейшие связи и много единомышленников. <...> Личной связи с Клюевым и Волконской я не имел.

На двух следующих допросах Голова

Николай Алексеевич Клюев, расстрелянный в Томске 23—25 октября 1937 года (именно так записана в акте дата приведения приговора в исполнение), реабилитирован 29 июля 1960-го. Ныне мы понимаем, что поэт не мог участвовать в тех преступлениях, которые ему вменялись, как понимаем и то, что его трагическая гибель была неизбежна. Но что же все-таки происходило тогда в Томске!

Сегодня есть в городе улица, названная именем поэта; на доме, где он жил, установлена мемориальная доска; издан сборник его произведений; снят телевизионный фильм о его последних днях; в Петропавловском соборе по невинно убитому отслужена панихида; в Томске работают исследователи жизни и творчества Клюева. Один из них, профессор Педагогического института Л. Ф. Пичурин, изучил архивные дела № 47165 (об административно-сылном Н. А. Клюеве) и № 12301 (по обвинению Н. А. Клюева по ст. 58-2-10-11), а также десятки смежных дел.

Николай КЛЮЕВ:

давать не желаю...

По страницам следственных дел поэта.

допрашивали, так сказать, в четыре руки — начальник ГО НКВД капитан Овчинников и руководитель контрразведки лейтенант Великанов. У них Ивановский быстро признался во всем, что было нужно. Проверять же показания Голова и Успенского относительно Клюева нужды не было, вот и получилось, что П. А. Ивановский назвал Клюева лишь 20 мая шестым в списке из тридцати трех членов ССР: «б. Клюев Николай Алексеевич, поэт, проживает в Томске». И более ничего!

Замечу, что судьба руководителей Томского УНКВД сложилась менее гладко, чем судьба Горбенко. И. В. Овчинников получил за свои подвиги орден Ленина и в 1940 году был расстрелян за нарушения социальности и фальсификацию уголовных дел. Н. С. Великанов работал в «Смерше», дослужился до полковника, участвовал в аресте Р. Валленберга, руководил Управлением МГБ в одной из прибалтийских республик, но после смерти Сталина был расжалован, уволен из ГБ, лишен восьми орденов и двух нагрудных знаков «Почетный чекист», исключен из КПСС и вскоре погиб в дорожном происшествии.

Аресты продолжались, некоторые последственные кое-что говорили и о Клюеве.

26 мая Е. А. Волконская, к тому времени — приходская домработница в семье доцента П. П. Терентьева, была арестована. По логике следствия — я все пытаюсь найти хоть какую-нибудь логику! — ее как одного из руководителей ССР необходимо было спросить о другом руководителе — Н. А. Клюеве. Но нет. Вопросы о нем задано не было, сама же Елизавета Александровна держалась мужественно и ни о Клюеве, ни о друзьях своих ничего не сказала. Книгиня оказалась в числе немногих, кто вообще не признал себя виновным. Расстреляли ее 29 августа.

29 мая преподаватель английского языка Г. В. Лампе показал на допросе, что Ивановский и Клюев были у него на квартире по ул. Красноармейской, 70. «После этого я больше с Клюевым не встречался. Могу характеризовать его как яркого противника Советской власти с контрреволюционными монархическими взглядами». Георгию Викторовичу оказалось достаточно одной встречи, чтобы составить такую характеристику. Но на другой день он, назвав Клюева вместе с Волконским в числе руководителей организации, сообщил о неоднократных беседах с Николаем Алексеевичем по поводу усиления агитационной

работы со спецпереселенцами. Так одна встреча или неоднократные беседы? Следователи (на этот раз — Великанов и Горбенко) такого вопроса не задали.

ПОЧТИ два месяца следствия по делу ССР не дали какого-либо должного материала против Н. А. Клюева. Тем не менее 28 мая Великанов подписал, а Овчинников утвердил «Справку на арест Н. А. Клюева», в которой сказано: «Имеющимися материалами в Томском горотделе НКВД установлено, что Клюев Николай Алексеевич является руководителем и идейным вдохновителем существующей в Томске контрреволюционной монархической организации «Союз спасения России», в которой принимал деятельное участие, группируя вокруг себя контрреволюционно настроенный элемент, репрессированный Соввластью». Арест был санкционирован военным прокурором 78-й стрелковой дивизии военористом 2-го ранга Гениным и произведен в ночь с 5 на 6 июня 1937 года младшим лейтенантом Горбенко.

В архивах не удалось обнаружить изъятые при аресте рукописи (шесть отдельных листов, тетрадь из четырех листов) и девять принадлежащих поэту книг. Изъято было также удостоверение личности, этот документ сохранился в архиве Томского УКГБ.

6 июня, записав с несколькими неточностями «установочные данные», Горбенко задал арестованному вопрос: «Скажите, за что вы были арестованы в Москве 1: осуждены в ссылке на Западную Сибирь?» Ответ Клюева записан так:

— Проживая в г. Полтаве, я написал поэму «Погорельщина», которая впоследствии была признана кулацкой, я ее распространял в литературных кругах в Ленинграде и Москве. По существу, эта поэма была с реакционным антисоветским направлением, отражала кулацкую идеологию.

Это был единственный вопрос и, соответственно, единственный ответ.

Одновременно с Клюевым было арестовано еще пять членов «Союза», но они ни слова не сказали о своем руководителе и вдохновителе. Лишь П. Н. Иванов добавил несколько строк к другим показаниям о нем. Кто был Павел Николаевич — сказать трудно, ибо в деле он назван одновременно и лейтенантом, и капитаном 2-го ранга, в годы гражданской войны он служил на Черном море в Белом флоте и тогда же на Белом море, но уже в красном флоте, командуя там подводной лодкой. А в начале двадцатых годов он одновременно служил в Красной Армии и сидел в тюрьме. В конце концов оказался в нарымской ссылке, и ССР предполагал назначить его командующим обской речной флотилией, если восстание начнется летом.

— Клюева я коротко знал еще по Колпашеву, где он отбывал ссылку. Встретившись с ним в Томске, я установил организационную связь, был у него на квартире. <...> Клюев также говорил мне, что он в Томске установил связи среди бывшего и в данное время действующего духовенства и церковного актива, которые, как он выразился, верны спасению России, ведут активную работу против коммунистической власти, и что он активно помогает этой организации.

Возможно, именно показания Иванова натолкнули следствие на новую идею — более активно привлечь к ССР церковников. Но сначала — следует сказать еще об одном документе из дела № 12301. 21 июля было составлено постановление о продлении срока следствия шестнадцати последственных, в том числе Н. А. Клюеву. В постановлении сказано: «Обвиняемые Беляев, Воскресенский, Клюев и Покровский признали себя виновными частично». Фраза о частичном признании вины вошла позднее в обвинительное заключение по делу Н. А. Клюева. Но к этому времени Клюев не только не признавал свою вину, но ему еще и обвинение не было предъявлено, ведь, судя по документам, кроме первого допроса, о ко-

тором сказано выше, никаких следственных действий в отношении Клюева еще не предпринималось!

Летом 1937 года были проведены массовые аресты священников. Показания их записаны со всей аккуратностью, давали они их охотно, по первой же просьбе следователей.

Священник Троицкой церкви бывший штабс-капитан князь Аникита Андреевич Ширинский-Шихматов:

— Клюев Николая Алексеевича я знаю. <...> он сообщил мне, что в Томске существует монархическая контрреволюционная организация, ставшая своей задачей вооруженное свержение Советской власти. <...> Будучи врагом существующего строя в России, я дал свое согласие на участие в контрреволюционной организации.

Епископ Томской епархии Иван Николаевич Зиверт (о. Ювеналий):

— Клюев мне сказал, что он лично <...> активизировал церковников. В результате последние создали ряд повстанческих групп в Нарыме, в Томском, Асиновском, Козьминском, Шегарском и др. районах, прилегающих к Томску. <...> Клюев мне высказал сожаление по поводу смерти главы кадетско-монархической организации в Томске князя Волконского, но сказал, что во главе организации остались довольно опытные люди.

Священник Троицкой церкви Яков Леонтьевич Соколов:

— От него же (Ширинского-Шихматова, — Л. П.) стало известно, что во главе организации также состоит ссыльный монархист Клюев Николай Алексеевич, с которым я также познакомился, а впоследствии даже стали жить с ним на одной квартире (Старо-Ачинская, 13; последняя квартира Клюева в Томске. Именно в этом доме он и был арестован. — Л. П.). Через Ширинского-Шихматова и Клюева я вошел в состав монархической повстанческой организации церковников.

В таком же духе дали показания еще два священника — И. Г. Назаров и В. А. Куклин, а также родственник Соколова сельский учитель И. Г. Мельников, находившийся в Томске на излечении.

К октябрю 1937 года почти все свидетели по делу Н. А. Клюева уже были расстреляны. 9 октября следователь Чагин — его судьбу мне пока установить не удалось — провел последний допрос Клюева. Вот теперь ему предъявляется обвинение.

— Признаете себя виновным!
— Нет, виновным себя не признаю, ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, к свержению Соввласти не готовился.
— Вы убежденный монархист!
— Да, я убежденный монархист.

В протоколе далее записано, что Николай Алексеевич подтвердил факт передачи за границу своих произведений, подтвердил он и знакомство со всеми свидетелями по его делу.

— Я их знал хорошо, иногда встречался, они высказывали мне свои антисоветские настроения. Участниками они какой к-р. организации <состояли>, мне известно не было.

— Следствием вы достаточно изблещены, что вы можете заявить правдиво об организации!

— Больше показаний давать не желаю.

Под протоколом допроса приписано: «Ответы записаны с моих слов правильно. К сему Клюев».

Увидев впервые эту страдальческую подпись, я обратился к судебным экспертам — уж очень отличались подписи под первым и последним протоколом. Заключение было достаточно категоричным: нет оснований предполагать фальсификацию, однако характер подписи на втором документе позволяет утверждать, что подписывавший находился в тяжелом психодизморфическом состоянии. Выводы делайте сами, я же хочу лишь подчеркнуть это мужественное «больше показаний давать не желаю».

Жить ему оставалось две недели...

Лев ПИЧУРИН

ТОМСК